

© 2018 г.

А.М. Ф О М И Н

ФРАНКО-ТУРЕЦКИЕ ОТНОШЕНИЯ И СИРИЙСКИЙ ВОПРОС НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (январь—август 1939 года)

Фомин Александр Михайлович — кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

К началу 1939 г. становилась все более очевидна перспектива военного столкновения между станами «оси» Берлин—Рим, стремившимися к переделу мира, и «западными демократиями» Великобританией и Францией — основными гарантами существовавшей международно-правовой системы. Восточное Средиземноморье с большой вероятностью могло стать важнейшим местом этого столкновения. Главная опасность в этом регионе исходила от фашистской Италии, союз которой с нацистской Германией все более укреплялся. Великобритания и Франция преследовали цель сохранить свои доминирующие позиции на Ближнем Востоке, причем для Франции эта задача имела два главных аспекта — укрепление своего влияния в Сирии и Ливане, а также обеспечение дружественных отношений с Турцией и, по возможности, вовлечение ее в союз, направленный против Италии. Первую задачу приходилось решать во многом методом импровизаций, так как до декабря 1938 г. французская политика в регионе основывалась на существовании франко-сирийского договора 1936 г., который предусматривал отмену мандата и предоставление Сирии независимости не позднее 1 января 1940 г. Отказ французского Национального собрания (точнее — комиссий по иностранным делам обеих палат) от ратификации этого договора в декабре 1938 г. заставил французскую дипломатию искать нестандартные решения. Вторая задача облегчалась тем, что Турция испытывала беспокойство растущей агрессивностью итальянского фашизма. Однако между Францией и Турцией сохранялась нерешенная территориальная проблема — Александреттский санджак; существовали глубокие взаимные подозрения как французов, так и турок относительно истинных намерений друг друга¹.

В 1939 г. французскую политику на Ближнем Востоке предстояло проводить двум новым людям: послу в Анкаре Р. Массигли и верховному комиссару в Бейруте Г. Пюю. Их тандем сменил А. Понсо и графа Д. де Мартеля, ранее занимавших эти должности. Делая новые назначения, руководство министерства иностранных дел (МИД) Франции полагало, что новому послу в Анкаре и верховному комиссару в Бейруте придется решать общую задачу — поддерживать и укреплять пошатнувшийся престиж Франции на Ближнем Востоке в условиях, когда крушение Версальского порядка в Европе сделалось необратимым. Новые назначения должны были улучшить координацию действий между Бейрутом и посольством в Анкаре, поскольку Понсо и де Мартель не выносили друг друга², а Массигли и Пюю были давними друзьями. Но гораздо важнее было другое обстоятельство: смена лиц ассоциировалась со сменой политики. Понсо

¹ Фомин А. М. Франко-турецкие отношения и сирийский вопрос после Мюнхена (сентябрь — декабрь 1938 года). — Новая и новейшая история, 2017, № 6.

² А. Понсо был предшественником Д. де Мартеля на посту верховного комиссара в Сирии и Ливане. — *Khoury Ph. S. Syria and the French Mandate. The Politics of Arab Nationalism, 1920–1945. Princeton (NJ), 1987, p. 509.*

на протяжении двух лет старался, идя на уступки Турции, все же сохранить французский суверенитет в Александреттском санджаке. Массигли же был убежден, что от санджака нужно поскорее избавиться, пока еще была возможность получить за это от Турции высокую цену. Мартель всю свою деятельность на посту верховного комиссара посвятил выработке, подписанию и постепенному воплощению в жизнь франко-сирийского договора. Он был сторонником косвенных методов европейского контроля в ближневосточных странах по образцу английской политики в отношении Египта и Ирака. Не имея предшествующего опыта работы в колониальных администрациях, он не приобрел и связанных с этим предрассудков — при нем Сирия и Ливан на два года (1937—1938 гг.) стали, по сути, автономными республиками в составе французской империи. Для «колониальной партии» в Париже такой поворот был неприемлем, и она оказалась достаточно сильна, чтобы «похоронить» договор 1936 г.

Пюо в 1919—1922 гг. занимал пост генерального секретаря французской администрации в Тунисе. Это делало его в глазах руководства МИД надежным проводником традиционных ценностей французской колониальной политики.

Предшествующие должности также не могли не оказать влияния на образ мыслей двух новых представителей Франции на Востоке. Массигли до этого занимал должность директора политического департамента МИД Франции. Для него назначение в Анкару было по сути дипломатической ссылкой, вызванной конфликтом с министром иностранных дел Ж. Бонне из-за политики Франции во время Мюнхенского кризиса. Массигли в деталях знал международную обстановку в Европе и не питал иллюзий относительно опасностей, с которыми сталкивалась Франция. Перед лицом растущих аппетитов стран «оси» союз с Турцией был для Франции жизненно необходим. Александретта представлялась для этого не слишком большой жертвой, не говоря уже об интересах отдельных лиц и учреждений в санджаке, которые Массигли вынужден был защищать в переговорах с турками. Его отношение к Бонне несколько не улучшилось, он настойчиво отстаивал свою точку зрения в депешах, направляемых в Париж, а в мемуарах, написанных после Второй мировой войны, не стеснялся в критике своего бывшего шефа.

Пюо до весны 1938 г. занимал должность французского посланника в Вене. Он был не только свидетелем, но и невольным участником трагедии аншлюса Австрии; слабость его собственного правительства в предотвращении этих событий произвела на него глубокое впечатление. Свою задачу в Бейруте Пюо видел в недопущении новых неоправданных уступок со стороны Франции, будь то по отношению к сирийским националистам или по отношению к Турции, образ действий которой в отношении санджака напомнил ему о гитлеровских интригах в Австрии перед поглощением этой страны.

Схожие цели и предшествующий политический опыт логически подводили обоих дипломатов к различным точкам зрения на будущее Александреттского санджака и взаимоотношения Франции с Турцией. Окончательное решение этих проблем зависело от Парижа. Однако кабинет Даладьё-Бонне был настолько дезориентирован быстро меняющимися событиями в мире и напряженной обстановкой внутри страны с ее хаосом партий, фракций и групп давления всех мастей, что далеко не всегда мог давать своим представителям на местах четкие и ясные указания. Массигли перед отъездом в Анкару получил инструкции, которые, по его словам, предвещали неминуемый провал его миссии. В Париже считали, что «трения» в отношениях с Дамаском не позволяли искать согласия с Турцией, жертвуя Александреттой. Решение должно было основываться на поддержании статус-кво³.

Пюо, еще находясь в Париже, постарался выяснить точку зрения всех заинтересованных в ближневосточных делах французских политиков, военных, предпринимателей и деятелей церкви. Наиболее убедительны были военные — генерал Гамелен,

³ *Massigli R. La Turquie devant la guerre. Mission à Ankara, 1939—1940. Paris, 1964, p. 56.*

начальник сухопутного генштаба и его морской коллега адмирал Дарлан. Для обоих в преддверии надвигавшегося мирового конфликта сохранение в полном объеме французского военного присутствия в Леванте представлялось необходимым. С другой стороны, британский посол в Париже Э. Фиппс откровенно сказал Пюо, что в Лондоне от Франции ожидают ратификации договора с Сирией. Пюо сразу разглядел скрытые мотивы Англии: «Это потакание арабскому национализму, которое в Лондоне считалось “разумным”, согласовывалось с общим планом британской политики на Ближнем Востоке. Со времен Лоуренса Альбион разыгрывал карту арабского национализма»⁴. Свою программу Пюо изложил в статье в газете «Тан». Пюо предлагал поддерживать умеренный «арабизм», укреплять религиозную терпимость, сотрудничать с местными элитами. О договоре 1936 г. даже не упоминалось⁵.

Отправляясь на Ближний Восток, Пюо сделал все, чтобы его воспринимали как представителя великой державы. Его приезд в Бейрут был обставлен с вице-королевской помпезностью, однако никто из членов сирийского правительства его даже не встретил. Министр внутренних дел Сирии выразил протест против программы, изложенной в «Тан». По его представлению, отношения Сирии с Францией теперь могли строиться только на основе признания сирийской независимости. В ответ Пюо 11 января 1939 г. выступил с заявлением по бейрутскому радио. Оно содержало как примирительные интонации, так скрытые угрозы: «Все, что Франция просит от Сирии в интересах своей имперской политики, это ее дружба, но необходимо, чтобы эта дружба была лояльной и полной, и покоилась на надежных и прочных основаниях. То, что Франция даст в обмен на эти обязательства (и я думаю, не найдется разумного сирийца, который бы не оценил эту цену), это право на национальную жизнь. При современном состоянии международного равновесия, присутствие Франции — это единственная эффективная гарантия территориальной целостности и независимости Сирии»⁶.

Последующие недели Пюо посвятил поездкам по вверенным ему владениям. Первым пунктом, конечно же, значился Дамаск, встретивший верховного комиссара пустыми улицами и закрытыми лавками. Такой торговый бойкот был излюбленной формой ближневосточной забастовки. Позиция сирийских политических лидеров была ясной. На официальный прием в резиденции верховного комиссара никто из них не явился. Зато на неформальной встрече за чаем в одном из городских отелей, которую организовал премьер-министр Дж. Мардам, лидеры Национального блока плотной толпой окружили Пюо, прямо заявляя ему, что сотрудничество с ними возможно только на основе договора 1936 г. Вскоре в городе начались беспорядки и столкновения манифестантов с сирийской полицией, которая, правда, быстро навела порядок после угрозы Пюо передать эту функцию французским властям. Мардам поспешил заявить о своем «доверии» новому верховному комиссару⁷; впрочем, «доверие» продолжалось недолго.

Поездка по стране убедила Пюо в сложности положения. В Алеппо, а также в городах с преобладанием суннитов (Хама, Хомс) его встречали холодно. В областях компактного расселения национальных меньшинств, недавно включенных в состав Сирийского государства (Джебель Друз, Латакия — бывшее государство алавитов), реакция была иной. Там проходили шумные демонстрации как в пользу объединения с Сирией (Пюо подозревал здесь происки Дамасского правительства), так и за независимость от него под прямым контролем Франции (такие выступления, конечно же, более радовали Пюо). В окрестностях Латакии Пюо показали отряды вооруженных крестьян-алавитов во главе с неким С. Муршедом, поднявшим мятеж против Дамаска. Свообразными гидами при этом были офицеры французских спецслужб. В Джазире

⁴ Puaux G. Deux années au Levant. 1939–1940. Paris, 1962, p. 166.

⁵ Ibid., p. 14–17.

⁶ Ibid., p. 22.

⁷ Ibid., p. 24.

Пюо встретили французскими знаменами и демонстрациями под профранцузскими лозунгами. Пюо пообещал местным активистам освободить их лидеров, арестованных сирийским правительством⁸. Верховный комиссар так оценил результаты своей поездки: «Я суммировал проблемы, не находя для них универсального решения»⁹. Выбор стоял в конечном итоге между суннитским большинством, которое было главным носителем националистических идей, и разного рода меньшинствами, стремившимися к автономии. Сирийцы, по мнению Пюо, были неспособны «объединиться вокруг человека, вокруг догмы или идеи». Политика для них была «полем для личного соперничества и клановых столкновений». Каждый из политиков рассматривал независимость как «исключительную монополию на власть и на все земные блага, которые с ней связаны». В такой ситуации самым простым решением было бы пойти по пути «разделяй и властвуй» — многие французские чиновники и военные рекомендовали именно это. Франция, в конце концов, имела давние традиции защиты религиозных меньшинств. Пюо твердо решил не играть на религиозных противоречиях. «Люди, представлявшие старый ислам, вовсе не обязательно были нашими врагами. Мне было легче общаться с теми, кого называли “старыми тюрбанами”, чем с некоторыми из тех, кто носил фески»¹⁰. Ношение фески было отличительным признаком сторонников партии Национальный блок, которая контролировала парламент и правительство Сирии. Будущее Сирии теперь зависело от исхода столкновения между этой партией и французской властью в лице Пюо.

После отказа Франции от ратификации договора политическая система страны оказалась парализована. Неизбежность столкновения была очевидна, но такой исход не сулил ничего хорошего руководителям Национального блока, которые прочно связали свою политическую судьбу с договором 1936 г. Премьер-министр Дж. Мардам, пустив в ход все свое красноречие, сумел добиться от парламента вотума доверия, но уже в феврале 1939 г. он пошел на открытое обострение отношений с верховным комиссаром по вопросу, который не имел прямого отношения к договору, но мог создать для европеизированных лидеров блока репутацию защитников традиционных ценностей ислама. Сирийский парламент категорически отказывался признавать указы прежнего верховного комиссара де Мартеля о личном статусе граждан. Эти указы разрешали свободную смену религии, а также межрелигиозные браки. Авторитетные мусульманские законоведы усмотрели здесь опасность для установлений Корана, националисты их активно поддержали. Из стен парламента возмущение вылилось на улицы, возникла угроза беспорядков и погромов. Пюо считал эти указы ошибкой своего предшественника, но дело было в принципе — чья власть в стране важнее — сирийского парламента или французского верховного комиссара? Пюо отказался отменить указы, в ответ Мардам ушел в отставку. Падение его кабинета по сути стало крахом первой Сирийской республики, хотя ее агония продолжалась еще несколько месяцев. Два кабинета министров, которые один за другим сменились после этого, не оставили следа в истории Сирии; сформировать третий оказалось невозможно. «Национальный блок» стремительно терял популярность, страна была охвачена торговыми забастовками. Вариант восстановления прямого управления напрашивался сам собой, но прежде Пюо решил получить инструкции в Париже.

Тем временем в Анкаре Р. Массигли приступил к пока еще неформальным консультациям с турецким министром иностранных дел Р. Сараджоглу по проблеме Александреттского санджака. Министр прямо заявлял, что аннексия этого района рано или поздно неизбежна. Согласие Турции на «независимый» статус санджака было лишь временной уступкой Франции, которой нужно было урегулировать этот вопрос с Дамаском. Турция не хотела по этому поводу иметь дел с сирийским правительством, хотя от него неоднократно поступали предложения о разделе санджака.

⁸ Ibid., p. 26.

⁹ Ibid., p. 27.

¹⁰ Ibid., p. 20.

Турция собиралась превратить Хатай бастион против «арабизма». Понимая сложное международное положение Франции, Сараджоглу не останавливался и перед угрозами: «Если мы желаем аннексии Хатая, мы хотим приступить к этому в согласии с вами, не вступая в лагерь тоталитарных государств»¹¹. Массигли понимал необходимость пожертвовать санджаком для сохранения дружественных отношений с Турцией. В меморандуме от 6 февраля 1939 г. он писал, что «у нас нет на этой территории никакого практического средства, чтобы утвердить свое господство». Выбор, следовательно, был между безнадежной попыткой вернуть оставленные позиции (чреватой открытым конфликтом с Турцией и нелогичной, поскольку Сирия сама отгородилась от санджака таможенным барьером) и стремлением обеспечить французские интересы, согласившись на передачу санджака. В первую очередь, следовало добиться от Турции гарантии неприкосновенности новой границы, гарантии обеспечения французских «частных и моральных интересов» в санджаке, а также общеполитического франко-турецкого соглашения, которое могло бы выглядеть как оборонительный союз против итальянской агрессии в Средиземноморье. Для того, чтобы продвигаться в этом направлении, послу требовалось разрешение Парижа¹², но его пришлось ждать долго.

13 февраля 1939 г. Пюо в донесении в Париж, развивая своеобразную «теорию домино», писал: «Моя поездка в Алеппо утвердила меня в убеждении о надвигающейся опасности. Если мы заранее уступим в аннексии Хатая (и, возможно, ближайшая международная тревога нас вынудит это сделать), вопрос об исправлении границы (массив Курд Даг, нахии Баер и Бассит) также будет поставлен. Следующие претензии будут включать Алеппо и Верхнюю Джазиру. И. Иненю, вдохновленный германскими методами в Центральной Европе, будет использовать позиции, завоеванные одна за одной, чтобы увеличивать свои потребности». Далее Пюо, ссылаясь на появившийся в «Таймс» проект федерации Сирии, Трансиордании и Палестины, включавшей автономное еврейское государство, писал, что на этот счет может существовать соглашение между Лондоном и Анкарой об установлении англо-турецкого кондоминиума на Ближнем Востоке. Пюо подозревал, что предварительные условия для создания такой схемы, могли быть подготовлены на конференции «круглого стола» в Лондоне¹³. В связи с этим он считал возможным пересмотреть запрет на участие в этой конференции представителей сирийского правительства, поскольку оно, как и Франция, было заинтересовано в предотвращении такой схемы¹⁴. В подтверждение своих слов Пюо ссылался на свои ранние донесения, где приводились факты турецкой агитации в северных районах Сирии, в которой упор делался на общность религии сирийцев и турок¹⁵. Через несколько дней Пюо встретился в Бейруте с бывшим муфтием Иерусалима Х. Амином аль-Хусейни, ставшим заклятым врагом англичан. Пюо изложил ему свои подозрения, и муфтий заверил его, что арабы никогда не согласятся на создание такой федерации за счет территориальных уступок Анкаре. Муфтий, однако, подтвердил заинтересованность Великобритании в такой схеме. Ж. Бонне, делая скидку на антианглийские настроения муфтия, все же признал, что к английским планам следует относиться с крайней осторожностью¹⁶. Таким образом, между МИД Франции и Бейрутом наметился консенсус относительно турецкой угрозы в Сирии и возможного сговора турок с англичанами за счет Франции.

¹¹ *Massigli R.* Op. cit., p. 68–69.

¹² Documents diplomatiques français 1932–1939 (далее – DDF), v. 14, № 54. Note de R. Massigli, 6.02.1939, p. 88–91.

¹³ Созыв этой конференции был попыткой британских властей разрешить палестинский вопрос. Конференция состоялась в феврале – марте 1939 г., но положительных результатов не дала.

¹⁴ DDF, v. 14, № 105. Puaux á Bonnet, 13.02.1939, p. 188–189.

¹⁵ Ibid., p. 188, note 4.

¹⁶ DDF, v. 14, № 135. Bonnet á Puaux, 17.02.1939, p. 239; p. 239, note 3.

Массигли несколько раз поднимал эту тему в беседах с Сараждоглу и другими влиятельными лицами в Турции и всякий раз получал уверения, что Турция не претендует на другие территории Сирии, кроме Хатая. Вместе с тем, Массигли высказывал опасения, что протурецкая Ассамблея в Антиохии может просто провозгласить присоединение Хатая к Турции в одностороннем порядке, и Франция ничего не сможет этому противопоставить¹⁷. Повод для беспокойства был: 15 марта 1939 г. в санджаке была введена в обращение турецкая валюта. С другой стороны, Пюо направил в Париж информацию из собственных «самых прямых» источников в Анкаре о том, что Сараждоглу в частной беседе высказался, что, поскольку Балканская Антанта уже «мертва», Турции ничего не остается, как вновь обратиться к Азии. По его мнению, арабы Алеппо скоро поймут свою выгоду от присоединения к Турции. Мнение Франции по этому поводу можно было проигнорировать¹⁸. Для противодействия турецкой агитации в Джазире Пюо предлагал выпустить из сирийских тюрем некоторых курдских вождей, настроенных профранцузски. Их действия должны были контролировать французские спецслужбы¹⁹. Бонне считал, что такие действия были бы слишком вызывающими для Турции, у которой были свои проблемы с курдами. Бонне был также серьезно обеспокоен «удвоившейся» интенсивностью турецкой пропаганды в Джазире²⁰.

Убеждение, что турецкие территориальные претензии распространяются значительно дальше санджака, было распространено и среди европейских дипломатов, аккредитованных в Анкаре. Румынский военный атташе в беседе с советским дипломатом говорил: «Хатай все более и более становится турецким, но для прочного владения Хатаем необходимо иметь в своих руках и примыкающий к нему сирийский хинтерланд (важный стратегический треугольник с вершиной в Алеппо). Поэтому турки пока всеми способами раздувают беспорядки в Северной Сирии с тем, чтобы в удобный момент поставить вопрос о необходимости ввода своих войск в указанный треугольник для обеспечения спокойствия на сирийско-турецкой границе. Разумеется, дело будет вестись турками осторожно, не прибегая к резким мерам. Французами пойманы с поличным турецкие агитаторы в Сирии. ... Надо добавить еще, что перспектива итальянского господства в Сирии для турок еще более невыгодна, чем современный французский мандат»²¹. Болгарский посланник в Турции Христов общал в свою столицу, что, по его сведениям, в ходе секретных англо-турецких переговоров речь шла о передаче Турции Алеппо и Джазиры, а также 1/8 доли Мосульской нефти в обмен на помощь турецких войск в подавлении возможных волнений в арабских странах²². Трудно сказать, откуда болгарский дипломат взял эти сенсационные сведения. Генеральный секретарь турецкого МИД Н. Менемеджиоглу говорил ему несколько позже, что вся интрига с Алеппо и Джазирой была затеяна турками только для давления на Францию в вопросе Александретты²³. Вполне возможно, что тревожные слухи об англо-турецкой сделке доходили и до французов.

Судя по донесениям британских дипломатов из Сирии, французские власти там находились в полной растерянности перед лицом турецкой угрозы. В марте 1939 г. интенсивность антифранцузских выступлений в суннитских районах достигла пика.

¹⁷ DDF, v. 14, № 250. Massigli á Bonnet, 2.03.1939, p. 451–452.

¹⁸ DDF, v. 14, № 194. Puaux á Bonnet, 24.02.1939, p. 339.

¹⁹ Centre archives diplomatiques La Courneuve. Papiers d'agents – Archives privées (далее – CADLC. PA-AP). Papiers R. Massigli (217). Ambassade en Turquie, v. 26. Puaux á Bonnet, copie á Massigli, 21.02.1939, p. 247.

²⁰ DDF, v. 14, № 206. Bonnet á Puaux, copie á Massigli, 25.02.1939, p. 304.

²¹ Документы внешней политики СССР, т. 22, кн. 1. М., 1992, с. 193. Запись беседы военно-морского атташе в Турции Родионова с военным атташе Румынии в Турции 15 марта 1939 г.

²² Тарасов П. К. Франко-турецкое соглашение об Александреттском санджаке и присоединение Турции к англо-французскому блоку (1936–1939 гг.). Свердловск, 1965, с. 249–250.

²³ Там же, с. 275–276.

Представитель верховного комиссара в Дамаске де Отклок даже обращался к опытному в арабских делах британскому консулу Г. Мак-Керету за советом, как справиться с этой ситуацией. Он говорил, что «единственная забота Франции состоит в том, чтобы не дать придти немцам и итальянцам, если уйдут французы». Как сообщал в Лондон Мак-Керет, «он также жалуется на постоянные турецкие интриги по подготовке оккупации территорий, потерянных во время войны (я думаю, несомненно, что турецкие амбиции не останавливаются на Сирии)». Мак-Керет советовал французскому собеседнику, что поскольку Франция не готова к прямому управлению страной, следует назначить «покладистое» сирийское правительство и поддержать его авторитетом Франции. «Сейчас, безусловно, плохое время для ссоры в Сирии, которая вполне может привести к военным обязательствам. Если в Европе начнется война с участием Франции и, предположительно, на самих, то не очень комфортно думать, что временный турецкий нейтралитет (а он может быть очень временным) должен быть куплен ценой уступки Сирии. Если турецкий аппетит на этом остановится, это будет очень удивительно. Однако у меня есть впечатление, что французская мысль уже готовится к такой уступке»²⁴.

Массигли был убежден (или делал вид, что убежден) в искренности заверений Сараджоглу об отсутствии у Турции планов широкой экспансии на юг, но мало кто из его французских коллег разделял это мнение. Массигли продолжал бомбардировать свое руководство телеграммами о необходимости скорейших переговоров с турками, но из Парижа никаких инструкций на этот счет не поступало. Посол требовал конкретных доказательств и фактов подрывной деятельности турок в Сирии, чтобы предъявить их турецкой стороне. В ответ из Бейрута пришло досье, в котором наиболее серьезным фактом было участие турецких агитаторов в волнениях в Курд Даге к востоку от Александреттского санджака и к югу от сирийско-турецкой границы. Руководители мятежных курдов, согласно поступившим сведениям, были связаны с губернатором турецкой провинции Килис, смежной с регионом восстания²⁵. Эти события известны как «восстание мюридов», происходившее с января по май 1939 г. Оно остается слабо изученным эпизодом сирийской истории. Волнения носили антифранцузский характер (повстанцы нападали на жандармские посты и полицейские участки), а его руководитель шейх Ибрагим аль-Халиль обращался к своим сторонникам как по-курдски, так и по-турецки. Для французской прессы и мандатных властей связь этого движения с турецкой агентурой была несомненна²⁶. Получалось, что турецкие интриги против Франции имели место практически по всему протяжению турецко-сирийской границы — как на востоке (Джазира), на западе (Курд Даг) и в центре (Алеппо). Это производило на французов мрачное впечатление. Пюо в личном письме Массигли описал положение, в котором оказалась французская администрация в Сирии: «Я должен Вам признаться, что я чувствую себя здесь очень неудобно, поскольку я осознаю опасность, против которой я безоружен. С внутренней точки зрения, я думаю, что смогу с ней справиться, и до сих пор это получалось не так уж плохо. Но что делать, если турки вступят в игру? Я убежден, что они знают, что Франция не будет “выступать” за Алеппо и Джазиру активнее, чем за Хатай. Я полагаю, что личный опыт Вас уже убедил в силе сопротивления наших правителей перед угрозой войны. Мне будет горько здесь, после Вены, снова стать бессильным свидетелем капитуляции. Это для Вас прояснит мою позицию: выигрывать время, отступать только дюйм за дюймом, в надежде, что то или другое событие сможет изменить баланс сил. Возможно, это значит ожидать чуда, но, по крайней мере, мы не будем сами ускорять свое ослабление путем слишком безответных уступок. Остается только одна надежда — искреннее сотрудничество с Англией, если она прекратит практиковать на Ближнем Востоке эгоистическую политику утаек и мелких интриг, которая возможно, предо-

²⁴ Records of Syria, 1918—1973, v. 6, 1937—1939. MacKereth to Baxter, 15.03.1939, p. 564—565.

²⁵ Massigli R. Op. cit., p. 104.

²⁶ Лазарев М. С. Курдистан и курдский вопрос (1923—1945). М., 2005, с. 168—169.

храняет от замешательства, неопределенности и туманного ощущения имперского упадка, в котором англичане отказываются признать сами себе»²⁷.

Массигли был категорически не согласен с таким подходом, в особенности с надеждами на помощь англичан в сирийских делах. Сведения о неудержимом турецком экспансионизме он считал не более чем мифом, порожденным французскими секретными службами, опиравшимися на данные, полученные от сомнительных информаторов. Жертвой этого мифа, по мнению Массигли, стал и Пюо. Массигли не отрицал турецкую активность в северных районах Сирии. В воспоминаниях впоследствии он писал, что не сомневался в словах Сараджоглу, что в инцидентах вроде событий в Курд Даге была виновна не Анкара, а местные чиновники, которые таким образом хотели ускорить разрешение вопроса об Александrette²⁸. Однако в 1939 г. Массигли считал такие объяснения неубедительными и делился своими сомнениями с британским послом²⁹. Возможно, он полагал, что для пользы дела будет выгоднее верить турецким объяснениям, а не раздувать скандал. Как бы то ни было, узнав, что Пюо собирается в Париж для консультаций с руководством, Массигли поспешил в Бейрут, чтобы лично постараться переубедить своего коллегу³⁰. «Переговоры» между двумя французскими дипломатами принесли мало результатов. Пюо готов был принять к сведению соображения Массигли, но остался при своем мнении³¹.

Лишь 20 марта 1939 г. Бонне направил Массигли телеграмму с указанием приступить к переговорам о санджаке, но тут же выдвинул условия, которые делали эти переговоры бесперспективными. Массигли должен был добиться изменения границ передаваемой территории. В составе Сирии должен был остаться горный массив Муса Даг, где были расположены армянские деревни. Территориальной компенсации за это Турции не предусматривалось³². Согласно дополнительным инструкциям, которые Массигли получил 28 апреля 1939 г., можно было вместо хребта Муса Даг ограничиться массивом Агри Даг. Однако французские войска из санджака должны были выводиться постепенно вплоть до 1 января 1940 г.; даже после этой даты там должен был оставаться «символический» французский отряд. Ранее эта дата рассматривалась как момент окончательного прекращения французского мандата в соответствии с договором 1936 г. Это условие объяснялось тем, что передача санджака Турции могла быть юридически законной только после формального согласия правительства Сирии; французский флаг мог быть спущен в санджаке только после прекращения мандата Франции на всю Сирию. Французский МИД все еще пытался представить дело так, что Франция просто отложила ратификацию франко-сирийского договора. Принятие этой поправки означало бы сохранение французских прав в отношении санджака на неопределенное будущее³³. Такие условия не могли быть приняты Сараджоглу.

Переговоры грозили затянуться, но важнейшие международные события заставили все заинтересованные стороны их активизировать. 15 марта 1939 г. Германия оккупировала оставшуюся после Мюнхена часть Чехии, 23 марта 1939 г. Германия навязала свой экономический протекторат Румынии, 7 апреля 1939 г. Италия захватила Албанию. Захват Чехословакии побудил британское правительство предпринять дипломатические шаги по противодействию Германии. Были инициированы переговоры

²⁷ CADLC. PA-AP, R. Massigli (217). Correspondence particulière, v. 102. Puaux á Massigli, 25.02.1939, p. 118–120.

²⁸ Massigli R. Op. cit., p. 104–108.

²⁹ British Documents on Foreign Affairs (далее – BDFA). Reports and Papers from the Foreign Office Confidential Print. Ser. B. The Near and Middle East, pt. II, v. 13. Washington (D.C.), 1985, № 119, p. 143. Knathbull-Hugessen to Halifax, 18.03.1938.

³⁰ Massigli R. Op. cit., p. 108.

³¹ Puaux G. Op. cit., p. 52.

³² Massigli R. Op. cit., p. 115–117.

³³ Ibid., p. 138–139.

Великобритании с Советским Союзом; были предоставлены британские гарантии безопасности сначала Польше, а затем Румынии и Греции³⁴.

Турцию не слишком беспокоила судьба Чехословакии, но захват итальянцами Албании был в Анкаре воспринят как прямая угроза. Великобритания была готова предоставить свои гарантии и Турции, но Анкара в ответ предложила двусторонний взаимобязывающий союз против любого акта агрессии в Средиземном море. Начались англо-турецкие переговоры, которые от имени Лондона вел посол в Анкаре сэр Хью Начбулл-Хьюджессен. 27 апреля 1939 г. в разгар этих переговоров в Анкару прибыл новый посол Германии Ф. фон Папен. Свою задачу он видел в том, чтобы любыми средствами убедить турок при всех обстоятельствах сохранять строжайший нейтралитет. Сараджоглу в беседе с Папеном заявил, что вполне доверяет заверениям Германии об отсутствии у нее аспираций на Балканах, но не может сказать того же об Италии. Папен пообщался с турецким руководством, но понимал, что оставаться сближением Турции с западными демократиями уже нереально.

Турция, однако, не могла себя чувствовать в безопасности, опираясь только на английскую поддержку. Надежной представлялась многосторонняя комбинация из Турции, Великобритании, Франции и СССР. Сараджоглу заявил своему британскому визави о желательности подключения к переговорам двух других великих держав. Сэр Хью, согласовав вопрос с Лондоном, не возражал. В Москву было отправлено приглашение для заместителя наркома иностранных дел В.П. Потемкина (он посетил Анкару в конце апреля — начале мая 1939 г.)³⁵. Переговоры с Массигли велись уже не первый месяц, а предложение об общеполитическом соглашении французы получили еще в сентябре 1938 г. В начале мая 1939 г. в турецкую столицу приехал французский генерал М. Вейган, якобы с частным визитом: он возвращался Европу из Тегерана³⁶. За три дня Вейган подробно обсудил с турецким руководством все военные аспекты будущего сотрудничества Анкары с Парижем и Лондоном. Однако на пути к успешному завершению франко-турецких переговоров стояла все та же проблема — Александреттский санджак.

Тема переговоров об англо-франко-турецком союзе и возможном участии в нем СССР лежит за рамками нашего исследования³⁷. Для нас важно проследить аспекты, касающиеся положения Франции как державы-мандатария в Сирии. Массигли, следуя указаниям своего руководства, старался «изолировать» вопрос об Александреттском санджаке от общеполитических переговоров по безопасности в Средиземноморье. Но сделать это было невозможно, к тому же обе стороны в этих переговорах не могли не учитывать внутривосточную ситуацию в своих странах.

За прошедшие два года тема Александретты была поднята на такую высоту в турецкой политической повестке дня, что Сараджоглу просто не мог согласиться на любой вариант, который бы не предусматривал установления безусловного турецкого суверенитета в санджаке. Как выразился президент Иненю, чтобы спокойно перейти к общеполитическому соглашению, следовало «вырвать эту занозу»³⁸ из франко-турецких отношений.

В аналогичном положении находился и Бонне. Он подолгу затягивал ответы на все запросы Массигли об инструкциях, а когда присылал их, то либо выдвигал неприемлемые для турок требования, либо отделялся общими заявлениями о необходимости

³⁴ *Майский И.М.* Воспоминания советского посла. Кн. 2. Мир или война? М., 1964, с. 452–463.

³⁵ *Галиакбарова Н.М.* Советско-турецкие отношения в 1939–1941 гг. Екатеринбург, 2003, с. 56–81.

³⁶ *Weygand M.* Memoires. T.2. Mirages et réalité. Paris, 1957, p. 484–492.

³⁷ *Живкова Л.* Англо-турецкие отношения, 1933–1939. М., 1975, с. 120–139; *Тарасов П.К.* Указ. соч., с. 266–296; *Кузьмин В.А.* Политика великих держав на Ближнем Востоке накануне Второй мировой войны (1933–1939). Пермь, 1981, с. 133–158.

³⁸ *Bonnet G.* Fin d'une Europe. Paris, 1948, p. 94.

обеспечить соблюдение «интересов Франции». По свидетельству одного из его ближайших сотрудников, во Франции подход к взаимоотношениям с Турцией «все более и более крепко привязывается к нашим внутренним колебаниям и движениям, он не вдохновляется никаким точным планом»³⁹. В Париже к этому времени сформировалась мощная лоббистская группировка, выступавшая против любых уступок на Ближнем Востоке. Ее ядром был «Комитет по Средиземноморью» во главе с бывшим министром и депутатом от «Республиканской Федерации» Л. Ролленом. Члены комитета сенатор Г. Готеро и публицист П. де Веу в середине апреля 1939 г. отправились в Александрию для ознакомления с ситуацией, несмотря на то, что Бонне считал их присутствие в Санджаке «в данных обстоятельствах нежелательным»⁴⁰. По возвращении в Париж Готеро направил на имя Бонне письмо, в котором описывал турецкий произвол в санджаке и печальную участь местных армян. Положение Франции в этом контексте выглядело незавидно. «По отношению к Турции Франция выглядит там как второстепенная держава, неспособная заставить уважать свои права и защищать своих друзей против традиционных врагов, которые, в чем никто не сомневается, возобновят резню, если мы не будем там, чтобы им противостоять. Я не говорю здесь ни об Алеппо, ни о Джазире, судьба которых связана с судьбой санджака. Их потеря сможет разрушить наш престиж в Леванте и будет иметь фатальные последствия во всей Северной Африке»⁴¹. Веу опубликовал памфлет «Христиане в опасности на Муса Даге»⁴² — уже второй на Александрийскую тему. Первый, «Бедствие в Александрии», вышел в свет осенью 1938 г. Роллен 3 апреля 1939 г. лично жаловался Бонне на ситуацию в Сирии и в санджаке⁴³. Помимо Готеро и Веу, к антитурецкому лагерю принадлежали генерал Дюффё и журналисты братья Таро. Массигли писал в Париж, что публичные выступления всех этих деятелей вызывают в Турции «чувство неприятного удивления» и весьма затрудняют ход переговоров⁴⁴.

Более умеренную точку зрения выражал Пюо, посетивший Париж в первой половине апреля 1939 г. Помимо мер по укреплению положения в самой Сирии («обеспечивать общественное спокойствие и сохранять, увеличивая при необходимости, личный состав наших войск»)⁴⁵, он отстаивал сохранение остатков французского присутствия в санджаке, о которых писал в Париж его предшественник: французские школы, открытые за время мандата; французский госпиталь святого Жозефа в Антиохии; французское военное кладбище, которое желательно было сделать экстерриториальным анклавом под французским флагом. Горный массив Муса Даг также следовало сохранить в составе Сирии⁴⁶. За три недели, которые Пюо провел в Париже, он успел встретиться не менее чем с тремя десятками политиков, дипломатов, чиновников и военных, так или иначе заинтересованных в сирийском вопросе⁴⁷. Пюо привез в Париж проект нового франко-сирийского договора, который предусматривал «экономическую, финансовую и особенно политическую» независимость Сирии, но при сохранении постоянного военного присутствия. Для реализации этого плана, по его мнению, необходимо было временно вернуть Франции полный контроль над Сирией, распустив парламент и отменив конституцию⁴⁸. Пюо также предлагал установить

³⁹ *Massigli R. Op. cit.*, p. 126.

⁴⁰ CADLC. PA-AP, R. Massigli (217). Ambassade en Turquie (далее — AT), v. 27. Bonnet á Meyrier (Beyrouth), copie á Massigli, 15.04.1939, p. 27.

⁴¹ *Ibid.* Gautherot á Bonnet, 1.05.1939, p. 82.

⁴² *Massigli R. Op. cit.*, p. 128–129.

⁴³ *Ibid.*, p. 122–123.

⁴⁴ CADLC. PA-AP, R. Massigli (217), AT, v. 27. Massigli á Bonnet, 10.04.1939, p. 19.

⁴⁵ *Puaux G. Op. cit.*, p. 40.

⁴⁶ *Ibid.*, p. 53.

⁴⁷ *Ibid.*, p. 41–42.

⁴⁸ *Bonnet G. Fin d'une Europe.* Paris, 1948, p. 98.

в Сирии конституционную монархию, но не нашел в этом понимания у руководства⁴⁹, в остальном же он получил полную поддержку.

Тем временем ситуация вокруг санджака оставалась тревожной. Массигли писал в Париж, что дальнейшее промедление на руку потенциальным противникам. Итальянская пропаганда (агентство Стефани) старалась постоянно держать турецкое общественное мнение «в состоянии тревоги» с целью сорвать переговоры и спровоцировать конфликт. Достаточно было небольшого инцидента, чтобы все усилия французской дипломатии пошли насмарку. Массигли настаивал на том, чтобы поскорее «закрыть» Александреттский вопрос⁵⁰. В письме генеральному секретарю французского МИД А. Лежеру он писал: «Германские и итальянские усилия имеют только одну цель: вызвать франко-турецкую ссору, а для этого все средства хороши. Христианские меньшинства Сирии — отличные инструменты в этом отношении как раз из-за симпатий, которые они имеют в Париже. Нами управляет враг, который в то же время готовит арабское восстание⁵¹». Однако в этот момент обстановка в Париже не располагала к уступкам в вопросе о санджаке. После захвата Италией Албании премьер-министр Э. Даладье заявил о категорическом отказе Франции «уступать даже пядь своей территории» (речь шла о декабрьских итальянских притязаниях в Африке)⁵². Отказ от санджака в пользу Турции явно противоречил бы этим настроениям и мог создать для правительства опасную ситуацию. «Республиканская Федерация» поставила свою поддержку кабинета в зависимость от его позиции по проблемам Сирии и Александретты. Возможный отказ от санджака в пользу Турции без обеспечения защиты французских интересов грозил кабинету отставкой. По словам Бонне, «во Франции еще не было правительства, которое смогло бы пережить последствия такого отказа»⁵³. Поэтому неудивительно, что инструкции, которые Бонне в это время направлял в Анкару, в точности отражали тактику Пюо в Александреттском вопросе: «уступать только дюйм за дюймом». Массигли был вынужден тратить долгие часы на переговоры с турками (чаще всего с генеральным секретарем МИД Нуманом Менемеджиоглу) по всем мелким вопросам, в то время как его британский коллега на веранде собственного дома Сараджоглу за чашкой кофе оттачивал вместе с турецким министром текст важнейшей англо-турецкой декларации⁵⁴. Когда декларация к началу мая 1939 г. была готова, сэр Хью предложил Массигли подписать такой же текст, заменив в нем слово «Великобритания» на слово «Франция». Таким образом, декларация фактически стала бы трехсторонней, что с точки зрения как Лондона, так и Парижа, было удачным ходом в текущей политической ситуации.

Оглашение декларации в парламентах Англии и Франции сначала было намечено на 10 мая 1939 г. Однако Сараджоглу жестко увязывал участие Франции в этом соглашении с окончательным разрешением вопроса о санджаке «в его нынешних границах». К 8 мая, как Сараджоглу признавался в беседе с британским послом, он утратил доверие к французам, которые «торговались из-за нескольких деревьев, в то время как Турция предлагала предоставить все свое мужское население для взаимодействия с западными державами»⁵⁵. Оглашение декларации перенесли на 12 мая 1939 г. в надежде, что за это время франко-турецкие разногласия будут разрешены. Глава Форин-офис лорд Галифакс попытался напрямую воздействовать на французов через своего посла в Париже и французского посла в Лондоне, чтобы убедить их быть более стоворчивыми в переговорах с турками⁵⁶, но это не помогло. В последний момент турецкая

⁴⁹ *Puaux G. Op. cit.*, p. 40–41.

⁵⁰ CADLC. PA-AP, R. Massigli (217), AT, v. 27. Massigli á Bonnet, 15.04.1939, p. 24–25.

⁵¹ *Massigli R. Op. cit.*, p. 126.

⁵² *Ibidem.*

⁵³ *Ibid.*, p. 156.

⁵⁴ *Knatchbull-Hugessen H. Diplomat in Peace and War.* London, 1949, p. 148.

⁵⁵ DBFP 1919–1939. Ser. 3, v. 7, № 415, p. 465. Knatchbull-Hugessen to Halifax, 8.05.1939.

⁵⁶ *Ibid.*, № 463; 464; 469. Halifax to Phipps, 10.05.1939, p. 504, 507.

сторона отказалась оглашать франко-турецкую декларацию, если французский посол не подпишет обязательства окончательно урегулировать вопрос о санджаке до 1 июня 1939 г. На такой откровенный шантаж Массигли не поддался; декларация превратилась в англо-турецкую.

12 мая 1939 г. она была оглашена в британском парламенте и турецком Национальном собрании. Два правительства давали обязательства заключить в ближайшем будущем долгосрочный договор по вопросам безопасности, а пока обещали прийти друг другу на помощь в случае начала войны в Средиземноморье. Правда, одновременно в турецком парламенте было заявлено, что идут переговоры с Францией о подготовке аналогичной декларации, но это вряд ли могло кого-либо обмануть. Различие в отношениях Турции с двумя западными державами было очевидно. Массигли увидел в неожиданном изменении турецкой позиции влияние «германофильского клана»⁵⁷. Папен, съездив с неутешительным отчетом в Берлин, по возвращении в Анкару принялся всеми силами убеждать турок не заключать соглашения с Францией. Массигли считал одной из причин своей дипломатической неудачи на этом этапе недооценку «способности французов игнорировать реальность, которая их беспокоит», а также «силы, которую правые получают у нас, практикуя «шантаж патриотизма»»⁵⁸. Опасаясь влияния «правых», французское правительство, постоянно уступая Гитлеру, старалось продемонстрировать свою «твердость» на других направлениях, в частности в Александреттском санджаке и в Сирии.

12 мая 1939 г., в день, когда планировалось объявление англо-франко-турецкой декларации, Пюо выступил по сирийскому радио с заявлением о будущей политике Франции в Сирии. Пюо, хотя и подтверждал желание Франции заключить с Сирией новый договор, фактически признавал попытку 1936 г. неудачной. Для исправления положения требовалось, чтобы «был урегулирован, в духе взаимного доверия, вопрос административного режима мохафаз (провинций. — *А.Ф.*), для того, чтобы было дано удовлетворение законным пожеланиям различных групп населения в рамках сирийского единства»⁵⁹. Фактически речь шла об автономизации провинций, что подрывало монополию суннитского большинства и партии Национальный Блок на власть в масштабах всей страны. Далее говорилось, что международная обстановка делает необходимым сохранение французских войск на всей территории страны. Сирийскому президенту Аттаси эта декларация была предъявлена в качестве ультиматума; он ее принял со спокойствием. Премьер-министр Бухари отказался ее обсуждать, подал в отставку, но так как преемника ему не нашлось, то он продолжал добросовестно исполнять свои обязанности еще два месяца.

Франко-турецкие переговоры об Александреттском санджаке возобновились 15 мая 1939 г. и продолжались более месяца. К этому времени в Париже обстановка стала более благоприятна. Бонне писал, что генерал Вейган по возвращении из Анкары весьма способствовал преодолению сопротивления готовящемуся соглашению: «Здесь наконец поняли, что прежде всего следует заботиться об общей международной ситуации, которая причиняет нам столько беспокойств»⁶⁰. Тем не менее конкретные инструкции, поступившие из Парижа, существенно сокращали для Массигли свободу маневра. Хотя речь уже не шла о сохранении в санджаке даже символического французского военного присутствия, снова начались долгие дискуссии о французских больницах, школах, о линии границы. В МИД Франции как будто забыли, что имеют дело не с Османской империей, а с Турецкой республикой. Фактически выдвигалось требование восстановления капитуляционного режима на передаваемой Турции территории. В качестве компенсации за потерю санджака Париж требовал продления французского участия в управлении участком Багдадской железной дороги,

⁵⁷ *Massigli R. Op. cit.*, p. 161.

⁵⁸ *Ibid.*, p. 163.

⁵⁹ *Puau G. Op. cit.*, p. 43.

⁶⁰ *Massigli R. Op. cit.*, p. 200.

который проходил по турецкой территории вдоль границы с Сирией. Такое условие содержалось еще в Анкарском договоре 1921 г., но срок его действия истек в 1951 г. Как вспоминал Массигли, «между строк телеграмм, которые были мне адресованы, я иногда читал скрытый упрек в слишком дешевой уступке определенных интересов»⁶¹. Иногда «прорывалась» и откровенная туркофобия. Во внутреннем бюллетене французского МИД «Ревю дез Амбассад» появилась статья с призывом рассматривать турок как врагов и в будущей войне использовать против них курдов, ассирийцев, алавитов, армян, черкесов и друзов⁶². Такого рода выпады осложняли ход переговоров, к тому же германская и итальянская агентура делала все возможное для их срыва.

Взаимная заинтересованность сторон все же сделала свое дело: все спорные вопросы были разрешены. 23 июня 1939 г. в Анкаре был подписан договор об Александреттском санджаке, а в Париже — франко-турецкая декларация, дословно повторявшая англо-турецкую. Согласно договору, подписанному Массигли и Сараджоглу, Александреттский санджак окончательно передавался под суверенитет Турции. Французские больницы и школы подлежали закрытию, их имущество выкупалось турецким государством, это же относилось и к французским коммерческим предприятиям. Французские войска выводились из санджака в течение месяца. Жителям, пожелавшим сохранить сирийское или ливанское гражданство, предоставлялась возможность уехать в течение шести месяцев, но почти вся армянская община, около 14 тыс. чел., покинули санджак в первые недели после подписания договора. Этих армян расселили в Ливане. Границу санджака несколько изменили — в составе Сирии остался южный склон горы Агри с крупным армянским селом Кессаб. Изменений в статусе Багдадской железной дороги не произошло.

С формальной точки зрения условия договора были невыгодны для Франции. От большинства французских интересов, связанных с санджаком, пришлось отказаться. Сохранение Кессаба выглядело как единственная победа французской дипломатии. Однако современникам событий так не казалось. Далеко не формальное значение имел пункт договора об окончательном признании Турцией новых границ Сирии и об отказе от поддержки любой подрывной деятельности на сирийской территории. На практике это означало, что у Турции нет претензий на провинции Алеппо (включая регион Курд Даг) и Джазиру. И хотя Сараджоглу в ходе переговоров постоянно заявлял об отсутствии таких претензий, в Париже и в Бейруте ему не очень верили, а в Турции имелись свои «горячие головы», грезившие экспансией в южном направлении. 29 мая 1939 г. на конгрессе Народной партии некоторые делегаты открыто упрекали Сараджоглу в отказе от претензий на Алеппо⁶³. Французы также подозревали Турцию в том, что она имеет в Сирии не только территориальный, но и политический интерес и хочет иметь право голоса во внутренних сирийских делах. Эти подозрения, в свою очередь, основывались на опасениях турок, что французы захотят «умиротворить» Италию за счет Сирии. В Париже, разумеется, не было таких планов, но вписывать соответствующую гарантию во франко-турецкий договор там не решались, чтобы не предоставить туркам повода вмешиваться в сирийские дела. Выход из этого замкнутого круга был найден оригинальный: в день подписания договора от имени Бонне была опубликована декларация, что Франция не собирается уступать своих мандатных прав в Леванте никакой третьей державе; Сараджоглу со своей стороны публично письменно подтверждал, что принял эту декларацию к сведению. 23 и 24 июня 1939 г. эта дипломатическая комбинация была осуществлена, несмотря на утечку не вполне достоверной информации о ней в прессу⁶⁴.

В Сирии, несмотря на деятельность многочисленных «комитетов защиты Александреттского санджака», окончательная потеря этой территории была воспринята

⁶¹ Ibid., p. 214.

⁶² Ibid., p. 203.

⁶³ Ibidem.

⁶⁴ Ibid., p. 211–212.

относительно спокойно, хотя официальный Дамаск так никогда и не признал ее отторжения. По словам Пюо, сирийцы «уже привыкли видеть Александретту и Антиохию живущими своей собственной жизнью»⁶⁵. Несомненно, что любые новые территориальные уступки вызвали бы в Сирии взрыв возмущения. Согласно донесению британского консула в Алеппо от 4 июля 1939 г., «До того, как условия франко-турецкого соглашения были объявлены, здесь ходило много слухов о том, что провинции Алеппо и Джазира целиком или частично будут переданы Францией Турции. Хотя эти слухи теперь не подтвердились, немногие их осведомленных людей здесь рассматривают Александреттский санджак как предел турецких территориальных амбиций в северной Сирии. Сильной поддержкой пользуется мнение, что в следующем международном кризисе Турция снова будет требовать, а Франция уступать все новые части сирийской территории, а в случае европейской войны французская армия передаст турецкой армии задачу защиты северной Сирии»⁶⁶. Эти слухи, конечно, были преувеличены, но они показывают, с какой опасностью сталкивалась Франция, пока вопрос о турецко-сирийской границе оставался открытым.

Только после принятия франко-турецкой декларации французы смогли, наконец, избавиться от опасения, что турки вступят в сирийскую игру. Во всех остальных аспектах эта игра к середине лета 1939 г. казалась выигранной Францией. Пик антифранцузских выступлений пришелся на март 1939 г.; в дальнейшем они стали утихать, чему во многом способствовала компромиссная позиция Пюо в вопросе о «личном статусе». После отставки националистических правительств ему уже не было смысла настаивать на формулировках, вызывавших раздражение у правоверных мусульман. Забастовки постепенно прекратились, волнения в области Курд Даг, в которых Пюо видел «руку» Анкары, в начале мая 1939 г. были подавлены в ходе специальной полицейской операции. Остатки мятежников ушли в Турцию. После того, как Сирия фактически осталась без легитимного правительства, Пюо стал активно готовиться к окончательной ликвидации всех институтов сирийского самоуправления.

Развязка наступила 2 июля 1939 г. По распоряжению Пюо прекращалось действие сирийской конституции, распускались парламент и правительство, вместо которого назначался совет директоров с техническими функциями. В ответ сирийские политические лидеры отказались от сотрудничества с мандатными властями, а сирийский президент ушел в отставку. Тем не менее прямой контроль над Сирией был восстановлен. Французские войска в Леванте могли теперь спокойно готовиться к вероятной большой войне, не опасаясь ни за свой сирийский тыл, ни за северный фланг своих позиций со стороны Турции.

В Сирии такой «государственный переворот» не вызвал заметной реакции. Партия «Национальный блок», бывшая в годы самоуправления правящей, к этому времени была окончательно дискредитирована и погрязла во внутренних склоках. Основная масса сирийского населения также легко рассталась как со своей конституцией и «Национальным блоком», так и с Александреттским санджаком. Цель нового режима состояла в том, чтобы сбалансировать бюджет и дать сирийцам «хорошую администрацию вместо плохой политики»⁶⁷.

Ликвидировав сирийскую конституцию, Франция фактически вернулась к политике 1920-х годов с разделением Сирии по этноконфессиональному признаку. Провинции Латакия и Джебель Друз были выведены из-под власти Дамаска и подчинены собственным губернаторам-арабам. Провинция Джазира также теперь управлялась отдельно; во главе нее был поставлен чиновник-француз. Таким образом, Пюо реализовал свой план в отношении этой провинции, намеченный сразу по приезду на Ближний Восток. Пюо признавался, что несмотря на ярко выраженные профранцузские

⁶⁵ Puaux G. Op. cit., p. 54.

⁶⁶ BDFA, pt. II, ser. B, v. 13, № 205, p. 203–204. Consul Davis (Aleppo) to Halifax, 4.07.1939.

⁶⁷ Records of Syria, 1918–1973. Cambridge, 2005, v. 6. Political Report – Syria, № 22, 22.07.1939, p. 649.

симпатии сепаратистов Джазиры (преимущественно курдов и христиан), он не имел намерения предоставлять этой провинции автономию, сравнимую с автономией территорий друзов и алавитов⁶⁸. Население Джазиры было слишком пестрым, и к тому же она находилась слишком близко от турецкой границы. Всегда существовала опасность возобновления там протурецкой пропаганды, которая активно практиковалась Анкарой в период переговоров об Александреттском санджаке. Аналогичная опасность существовала и со стороны Ирака, где уже в это время было сильным германское влияние⁶⁹.

Процесс передачи Турции Александреттского санджака, как и было намечено, завершился к 23 июля 1939 г. В оставшиеся до начала Второй мировой войны недели между представителями Великобритании, Франции и Турции велись интенсивные переговоры о полноценном союзном договоре. Однако переговоры продвигались медленно из-за неопределенных перспектив сотрудничества между западными державами и СССР. Заключение советско-германского пакта о ненападении 23 августа 1939 г. произвело на Турцию шокирующее впечатление⁷⁰ и привело к временной приостановке консультаций. Они возобновились уже после начала Второй мировой войны и увенчались заключением трехстороннего союзного договора от 16 октября 1939 г. В это время сирийский вопрос уже не играл политической роли. Страны французского Леванта рассматривались на переговорах только с военно-стратегической точки зрения. Для Пюо Сирия стала страной, которой, по его выражению, было «легко управлять». В последние дни августа 1939 г. на Ближний Восток прибыл генерал Вейган, назначенный главнокомандующим французской «Армией Леванта», численность которой держалась в секрете и служила предметом слухов. Впоследствии Вейган оценивал ее в 40 тыс. чел.⁷¹ — меньше, чем было в 1920 г., когда Франция только утверждала свое господство в Сирии.

Итак, к концу лета 1939 г. основную цель, которую ставила перед собой Франция на Ближнем Востоке, можно было считать достигнутой. В преддверии новой большой войны удалось укрепить контроль над «Французским Левантом», прежде всего над Сирией. На случай начала военных действий в Средиземноморье был обеспечен союз с Турцией. Военно-стратегическое значение «Французского Леванта» в рамках англо-франко-турецкого союза подчеркивал один из самых авторитетных французских военных специалистов генерал Ж. Катру: «Такое соглашение придавало бы жизни и прочности оборонительному барьеру в Восточном Средиземноморье, протянувшемуся от Дарданелл до границ Ливии. Из этого барьера французский мандатный Левант способен сделать важнейшее военное сооружение. Будучи включенным в контур, в котором Турция и Египет будут оборонительными бастионами, он вместе с соседней Палестиной стал бы крепостной стеной. Он перекрыл бы фланги этих двух бастионов, мешая их обходу. Связав свои железные дороги и шоссе с сетями Анатолии и Палестины—Египта, он бы обеспечил непрерывность стратегического транспорта между Стамбулом и Каиром и открыл бы путь для маневров войск. С помощью своих военных и морских баз он в связке с Кипром, Анатолией, Палестиной и Египтом принял бы участие в действиях по контролю над водами Средиземного моря. Наконец, своими ресурсами на земле и под землей с помощью своего трубопровода он бы снабжал экономику войны, поскольку он поставляет зерно и хлопок, продает нефть Мосула и готов продавать свою собственную, залегающую в Верхней Джазире, когда она будет добываться». Для осуществления этой стратегической мечты, по мнению Катру, было необходимо соглашение с Турцией и безусловное сохранение французского военного присутствия в Сирии, так как ключевую роль во всей схеме играла железная дорога,

⁶⁸ Puaux G. Op. cit., p. 44.

⁶⁹ BDFA, pt. II, ser. B, v. 13, № 365. Consul MacKereth (Damascus) to Halifax, 03.07.1939.

⁷⁰ Галиакбарова Н.М. Указ. соч., с. 86—89.

⁷¹ Weygand. M. Memoires. T. 3. Rappelé au service. Paris, 1950, p. 39.

проходящая через Дамаск⁷². Можно сказать, что в 1939 г. Массигли выполнил первую задачу, а Пюо — вторую. После этого в дело мог вступать генерал Вейган. Путь успеху Франции был нелегким: пришлось принести существенную жертву — Александреттский санджак.

Оценивая политику Франции и Турции в последний предвоенный год, отметим, что значительную роль во франко-турецких отношениях сыграл фактор восприятия партнерами друг друга, прежде всего, намерений сторон относительно Сирии. О турецкой стороне мы можем судить лишь по косвенным свидетельствам. Мотивы, которые двигали турецкой политикой, понятны: во-первых, заполучить Александреттский санджак, который в Турции рассматривали как «свои Эльзас и Лотарингию»; во-вторых, обезопасить себя на случай возможного конфликта с Италией, для чего необходима была поддержка со стороны ее потенциальных противников. В действиях Турции очевидна как внутренняя мотивация: необходимость яркого внешнего успеха для укрепления позиций нового руководства страны, так и внешняя: перспектива увидеть соседнюю Сирию в руках Италии была одним из худших кошмаров Анкары. На протяжении всего этого периода из разных источников поступали сведения, что Турция старалась закрепиться не только в Хатае, но и в северных районах Сирии. М. Кемаль еще в 1919 г. включил эти земли в пределы желательных, с его точки зрения, границ Турции⁷³. Вопрос о том, имела ли Турция серьезные претензии на сирийские земли (Джазира, Курд Даг, Алеппо) в конце 1930-х годов, вероятно, так и останется открытым, пока будут закрыты турецкие архивы. Для нас важно, что во Франции существовало устойчивое убеждение, что такие претензии у Анкары были. Именно это убеждение во многом диктовало французскую политику в отношении Турции.

Относительно оценки турецких действий во Франции существовали две точки зрения. Первая рассматривала Турцию как державу статус-кво, заинтересованную в модификации существующей системы, но не в ее разрушении. Вторая рассматривала Турцию как ревизионистскую державу, прямо подражающую в своих действиях странам «оси» (неслучайно было использование немецкого слова «аншлюсс» по отношению к Александретте). Первую точку зрения отстаивал Массигли, которому пришлось приложить немало усилий, чтобы склонить к ней своего начальника Бонне. Такой взгляд, безусловно, был основан на понимании широкого международного контекста и необходимости максимального расширения будущей военной коалиции во главе с Парижем и Лондоном. Вторая точка зрения была представлена многочисленными парижскими журналистами, публицистами и депутатами, среди которых выделялись де Веу и Готеро. Они составляли влиятельную «левантийскую» группу давления — одну из фракций французской «колониальной партии». В известной мере этот подход разделял и Пюо. Взгляды этой группы, имевшие, безусловно, и экономическую мотивацию, с идеологической точки зрения основывались на представлениях, характерных скорее для начала XX в. — о Франции как носительнице «цивилизаторской миссии» и защитнице угнетенных меньшинств. «Забота» о меньшинствах была лейтмотивом в выступлениях этой группы как в вопросе Александреттского санджака (армяне), так и в проблеме будущего самой Сирии (друзы, алавиты, христиане и курды Джазиры). Результатом столкновения этих подходов стала своеобразная «ничья»: союз с Турцией был заключен, Сирия вновь стала, по сути, французской колонией, лишившись при этом Александреттского санджака, но сохранив село Кессаб, которое со временем превратилось в небольшой армянский город на сирийской земле.

Разумеется, франко-турецкие отношения не были исключительно двусторонними. Внешним фоном для них была растущая активность стран «оси», в частности и на Ближнем Востоке. Большую роль играла позиция Великобритании. Ее политика в сирийском вопросе заслуживает отдельного изучения, поскольку она теснейшим образом связана с проблемой Палестины, однако принципиальное значение имела даже

⁷² Le Temps, 31.V.1939.

⁷³ Кемаль М. Путь новой Турции, т. 3. М., 1929, с. 252–254.

не столько эта политика как таковая, сколько ее восприятие во Франции. Характерно, что Пюо в письме Массигли рассматривал возможное сотрудничество с англичанами как последнюю надежду для сохранения французского присутствия в Сирии, в то же время упрекая англичан в мелких интригах против Франции. Хотя обстоятельства толкали Париж к тесному сотрудничеству с Лондоном, глубокое недоверие к союзнику, имеющее долгую историю, никуда не делось. На Ближнем Востоке это недоверие прежде всего выражалось в убежденности, что англичане не расстались с «мечтой полковника Лоуренса» и тайно поощряют панарабистское движение, чтобы с его помощью со временем поставить под свой контроль весь Ближний Восток. Это подозрение, в частности, послужило причиной запрета поездки сирийской делегации на конференцию «круглого стола» в Лондоне. По свидетельству Пюо, в глазах многих французов один из главных деятелей сирийского национального движения Абд-ар-Рахман Шахбандар был английским агентом⁷⁴. Пюо также был уверен, что англичане способствовали постепенному захвату Турцией Александретты, так как хотели создать там свою морскую базу⁷⁵ (соответствующие работы в Александrette действительно начались в августе 1939 г.)⁷⁶. Массигли старался по возможности не посвящать своего британского коллегу в подробности переговоров по статусу санджака⁷⁷ (сэр Хью все узнавал от Сараджоглу), а одну из целей миссии Вейгана в Анкаре Массигли видел в том, чтобы не допустить английской «монополии» на военно-техническое сотрудничество с Турцией⁷⁸. Тем не менее когда Вейган снова отправился на Восток в конце августа 1939 г. уже как главнокомандующий французскими войсками на Ближнем Востоке, он первым делом приступил к согласованию военных планов с англичанами⁷⁹. Как и в прежние годы, англо-французский союз был вынужденным «браком по расчету».

Судьба Сирии в течение последнего предвоенного года наглядно показала, что на Ближнем Востоке, в отличие от многих других регионов мира, система международных отношений под влиянием чрезвычайных обстоятельств стремилась не к саморазрушению, а к консолидации. Англо-франко-турецкий союз, фактически сформировавшийся к июлю 1939 г. и оформленный тремя месяцами позже, преследовал цель сохранения статус-кво, которое в основных чертах было оформлено еще в Лозанне в 1923 г. Для этого было необходимо преодоление всех трений между будущими союзниками (Александретта) и обеспечение полного контроля каждого из участников над собственной «зоной ответственности» (во французском случае — над Сирией). Своей функции англо-франко-турецкий союз не выполнил, но произошло это из-за событий в Европе: военного разгрома Франции Германией в мае-июне 1940 г. Ближний Восток был в это время периферией международных отношений; главные события Второй мировой войны разворачивались в Европе.

⁷⁴ *Puaux G.* Op. cit., p. 36.

⁷⁵ *Ibid.*, p. 49–50.

⁷⁶ *Тарасов П. К.* Указ. соч., с. 316–317.

⁷⁷ *Massigli R.* Op. cit., p. 103.

⁷⁸ CADLC. PA-AP, R. Massigli (217), AT, v. 27, p. 105. Massigli á Bonnet, 8.05.1939.

⁷⁹ *Weygand M.* Op. cit., p. 16–18.